

Сцены

из жизни

Германа

Ведекинда



Алексей ГРИГОРЬЕВ

ОДЕРЖИМОСТЬ

Карта — зар. театр

«МЫ ДОЛГО смотрели друг на друга: он — с любопытством, я — со страхом. Как я и ожидал, советский солдат, который стерег нас, огромную толпу немецких пленников, на сборном пункте где-то под Дрезденом в ясный майский день 45-го, был коренаст и ширококопчел, но, против моих ожиданий, он явно не собирался косить нас из автомата. Откуда ему было знать, что нервно ежившийся перед ним человек в мешковатой сидевшей форме вермахта был довольно известным в Германии певцом Ведекиндом, мобилизованным в последний год войны для «поддержания боевого духа» фашистских войск?

А что, если...
— Их... зенгер... опер... музик... театр... Аля-ля-ля-а-а-а! — изобразил я. И улыбнулся ему.

— Опера? Театр? — удивился солдат. Подумал и вдруг махнул рукой:

— Опера — гут. Война — капут. Нах хаус!

И я пошел домой.

Эта сцена из жизни известного западногерманского театра Германа Ведекинда записана мной с магнитофонной точностью, ибо в ней — начало удивительного этапа в творчестве удивительного человека.

Он родился в 1910 году в буржуазной вестфальской семье, основными жизненными принципами которой были католицизм и тот немецкий «патриотизм», что выражен в словах «Германия превыше всего». Он сумел вырваться из этих пут на театральные подмостки, которые, по его словам, означали для него «весь мир». Он был оперным певцом, комедийным и драматическим актером, мимом. Он видел в театре единственный мост через пропасть, вырытую фашизмом, войной между немцами и другими народами.

В 50-е годы власти аденauerской республики разрешили гастролировать театрам далеко не из каждой страны. И Ведекинд ставил пьесы зарубежных авторов на сценах Бонна, Фульды, Мюнстера, ездил со своей труппой за границу, показывал немецкую классику в Голландии, Польше, Румынии, Швейцарии, Франции.

С 1960 года Ведекинд — интендант (директор) театра в Саарбрюккене. И в этом качестве, хотя и с чисто туристическими намерениями, он вскоре посещает совершенно экзотический для западного немца город — Тбилиси.

В момент, когда Ведекинд произносит это слово, беседовать с ним далее уже невозможно — остается внимать бесконечному монологу о «городе, очаровавшем мое сердце», о «Грузии, ставшей моей второй родиной», о том, что «картули эна ламазия» («грузинский язык красив») и что «искусство не знает границ». Фраза эта — вообще излюбленный девиз Ведекинда, вписанный им в эмблему, которой украшает он свой дом, свою корреспонденцию, свои книги и театральные афиши.

По его инициативе в Саарбрюккене ставится опера грузинского композитора-классика Захария Палиашвили «Давид», в постановке Г. Жордания, а сам Ведекинд инсценирует в Тбилиси вагнеровского «Лоэнгрина» и «Волшебную флейту» Моцарта; затем в его режиссуре на сцене грузинского Театра юного зрителя появляется антивоенная пьеса немецкого драматурга Вольфганга Борхерта «За дверью» («Мы, сумевшие выжить, обязаны говорить молодежи всего мира языком театра о том, что ужасы войны никогда не должны повториться!» — из

выступления режиссера на премьере); потом Ведекинд мчится в Кутаиси, где, познакомившись с режиссером местного театра Г. Кавтарадзе, ставит вместе с ним «Физиков» Фридриха Дюрренматта. Несколько лет назад я получил в тассовском бюро в Бонне категорическую телеграмму от Ведекинда, требовавшего немедленно прибыть на новую премьеру — в Тбилиси, где в Театре имени Шота Руставели (а потом — и в театре города Телави) он поставил пьесу полузабытого немецкого драматурга XVII века Андреаса Грифиуса о «Екатерине Грузинской»...

Нельзя, правда, не сказать о том, что кипучая деятельность Ведекинда в этом направлении смогла проявиться столь ярко именно в Саарской области, где раньше всего, еще до подписания Московского договора 1970 года, было создано региональное общество «ФРГ—СССР», где уже в 1974 году были установлены партнерские связи главного города — Саарбрюккена — со столицей Советской Грузии, где благодаря гостеприимству и дружелюбию обербургомистра Саарбрюккена Оскара Лафонтена (недавно он стал премьер-министром этой земли) не раз проводились красочные Дни культуры Грузинской ССР и где в сентябре 1978 года на одной из красивейших площадей главного города появились новенькие сине таблички с надписью по-немецки, по-русски и по-грузински: «Тбилисская площадь». Впрочем, никак нельзя не видеть и того, что все это несло на себе отпечаток таланта и энергии Германа Ведекинда.

В 1980 году он ушел на пенсию. Но как!

В деревушке Кирф-Бойрен, нахлобученной на макушку

одного из холмов саарского нагорья, купил себе старую, полуразвалившуюся крестьянскую усадьбу, отремонтировал жилой дом, привел в порядок огромную сельскую ригу и прибил у входа доску с надписью «Культуршойне» (буквально это означает «культурный сарай» или «амбар культуры», а по сути дела — то же, что и наш сельский клуб). В чинную и размеренную жизнь этого уголка Саарской области, в неторопливые разговоры о ценах на мозельские вина, в тягучий речитатив церковных месс ворвались, искрясь, бравурный Моцарт, тяжко звенящий оркестровой медью Вагнер, музыкальный фольклор чуть ли не всех народов мира и, конечно же, витиеватая чеканка грузинских мелодий. В «Культуршойне» один за другим промчались музыкальные фестивали и праздники — не прерываемые на самом высоком исполнительском уровне.

3 А ШЕСТЬ с лишним лет моей тассовской работы в ФРГ поездки к Ведекинду в Кирф-Бойрен были, право же, одними из самых интересных. Уже дорога к нему настраивала на некий особый лад, на предвкушение встречи с высоким искусством и гостеприимством Мастера. Сначала — развернутый от Бонна на юго-запад серый рулон трехполосного автобана, затем — самое древнее поселение римлян на немецкой земле, уютный Трир, где родился Карл Маркс, потом — неширокое шоссе, скачущее с одного берега Мозеля на другой, ползущие по отвесным холмам виноградники, коридорчики-улицы в прятничных гриммовских городках, наконец, зловещий переулочек, где непременно приходилось спрашивать флегматичного крестьянина в кургузой шляпенке, какой из поворотов — к «герру профессору Ведекинду», и вот — завершение пути, деревянный указатель с надписью «Культуршойне», и сам хозяин на пороге, белоснежная голова-одуванчик, глаза — по-детски восторженные и умудренные жизнью и творчеством.

Через ворота, под навесами, где деревянные колеса, сено и всякий деревенский инвентарь, — проход в сад с фруктовыми деревьями разных пород и возрастов. Не было здесь хорошего гостя, который уехал бы от Ведекинда, не оставив после себя нового саженца и не услышав на прощание: «Когда MARTINA Лютера спросили, как он поступит, узнав, что завтра — конец света, он сказал: «Сегодня же посажу яблоньку!»...»

Из сада — вход в ригу, то есть собственно в «Культуршойне», но не просто так, а по-ведекиндовски — мимо стояла, где мирно сосуществуют осел, коза, овца и пони, носящие имена домочадцев Ведекинда, причём осла зовут Герман. А дальше, за грубыми деревянными столами и скамейками, под навесом,

делящим ригу на два этажа, — «Музей Грузии», собранный со столь характерными для хозяина любовью и безалаберностью (грузинская чеканка рядом с замызганной школьной картой «Природные богатства Грузинской ССР», гигантский рог для вина, отделанный серебром, по соседству с какими-нибудь матрешками или свистульками, родившимися очень далеко от берегов Куры, и афиши, афиши — немецкие, грузинские, русские).

Сцена-подиум совсем невелика, и зрители сидят вплотную к ней или, забравшись на второй этаж, свешивают ноги через его деревянную балюстраду. Международный фестиваль «Рихард Вагнер в деревне», концерты нью-йоркских скрипачей и шахтерского духового оркестра из Саарбрюккена, артисты индонезийские, польские, французские и каждый год по несколько раз — советские. Всего не перечислить, и скажу лишь об одном незабываемом вечере, который был подарен Ведекинду и его гостям актерами Грузинского государственного театра пантомимы под руководством Амира Шаликашвили. Их «Поэма о виноградной лозе», поистине пропетая гибкими телами в туниках — сетях грубой вязки, оставила ошеломляющую память о себе в Кирф-Бойрене. В тот вечер даже Ведекинд, как и все артисты, любящий поговорить, смог подняться на сцену и произнести лишь одну неизменную фразу о том, что «искусство не знает границ».

Осенью прошлого года Ведекинд вновь заставил говорить о себе театральный мир ФРГ, поставив «Екатерину Грузинскую» в крохотном местечке Бальве неподалеку от Дортмунда. Вместо театрального зала он использовал находящуюся там гигантскую карстовую пещеру с уникальной акустикой и единственными в своем роде декорациями.

А минувшей зимой он опять примчался в Москву с ворохом афиш, проспектов и планов: теперь Ведекинд одержим идеей установить партнерство — прежде всего в области культуры — между своим Кирф-Бойреном и грузинской деревушкой, где родился великий Нико Пироманашвили.

В нынешнем году удивительному немцу с грузинским темпераментом исполняется 75. Когда некоторое время назад Ведекинду вручали Медаль мира имени Альберта Швейцера (ранее такую награду получили Мартин Нимёллер, Марк Шагал и Пабло Пикассо), он сказал: «Мосты можно перебрасывать лишь в том случае, если есть два берега... В моей стране меня кое-кто называет «идиотом», приносящим пользу Востоку». Нет, я работаю на пользу и Востоку, и Западу. А что касается «идиота» — ну что же, ведь я — лицедей, шут, а они всегда говорили правду!» — и вспыхнул своей восторженной детской улыбкой.

Фото автора